

„вспомняв“ об осаде, они „похотели свершити... прежнее свое и богу обещание“¹ и построили первый собор в Черкасском городке.

Опоэтизивав все эти настроения и социально-бытовые особенности жизни казачества, автор наш и изобразил их как решение всего Войска во что бы то ни стало удалиться в монастырь после осады. Это стремление, независимое от тех или иных результатов, которые должна была принести ему победа над врагом, должно было, по мысли автора, окончательно растрогать московских читателей и убедить их в особой „богоугодности“ и бескорыстии борьбы казачества за присоединение Азова.

Но любопытнее всего, что поэтизация и идеализация этих якобы имевших место намерений и настроений Войска протекает в повести в характерных именно для казачьей идеологии формах. Герои повести мечтают о своей будущей монашеской жизни во вновь основанной ими „лавре Предтечевой“, как о новом, лишь видоизмененном по форме, продолжении привычного бытия их единодушной и сплоченной в жестокой борьбе за Азов „дружины малой“. Они, по мысли автора, собираются атамана своего поставить „игуменом, а ясаула пострижемъ, то нам будет строителем“. Выходит, что войсковая администрация и функции ее остаются и распределяются попрежнему, меняются только боевые казаки „зипуны кровавые“ на мирное „монашеское“ облачение. Более того, сохраняется как будто даже принцип выборности казачьих властей. Ведь вместо назначения на главные монастырские должности в „лавре“ — особо важном монастыре — лиц, определенных для этого высшими иерархами церкви или самим царем, казаки мечтают о своем собственном порядке и собираются посадить туда по своей воле своих же боевых начальников — атамана и есаула. А сами, они, казаки, стоявшие на смерть на стенах Азова, и здесь за стенами тихой „лавры“ сохраняют до конца твердость духа и верность своим идеалам: „А мы, бедные, — говорят они, — хоть дряхлые все, а не отступимъ сво Предтечева образа, по-мремъ все тут до единого“.

Казалось бы все осталось попрежнему, только с переменой обстоятельств „рыцарско“-эпический идеал средневекового сознания донских „людей божьих“ сменился идеалом „монашеско“-эпическим. И подобно тому, как прежде славилось Войско „свирепое и бесстрашное“ пред всеми „царствами“ и „ордами“, так и теперь, восклицают герои: „Будет во вѣки слав[н]а лавра Предтечева!“ (л. 45 об.).

Таков конец повести. Этот конец во всех особенностях своего содержания и стиля, и идейно, и логически, и поэтически вытекает из всего предшествующего повествования и увенчивает его определенным политико-публицистическим заданием автора, выразившего интересы, чувства и настроения Войска Донского сразу же после осады, в период его борьбы за присоединение Азова к Московскому государству.

¹ Донские дела, кн. IV, стб. 442.